

A close-up portrait of actor Oleg Andriyanov. He has a weathered face with a thick, grey beard and mustache. He is wearing a dark, textured scarf and a chain with a large, ornate metal medallion. The background is a warm, out-of-focus orange and yellow light.

Олег Андриянов
Джуда

18+

Олег Андриянов

Джуда

<https://litres.ru/73822882>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был вором из Кариота. Он взял имя погибшего друга. Он стал правой рукой Того, Кого назовут Мессией.

Три года Джуда готовил Царство. Серебро, связи, надёжные люди. Он верил: власть приходит через расчёт. Что его поцелуй станет началом коронации, а учитель сядет на престол Давида. Он ошибся.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Андриянов

Джуда

Глава

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

В комнате горит свеча. Её свет выхватывает из темноты морщинистое лицо, седую бороду, руки, которые когда-то держали нож, а теперь — перо. На столе — пергамент. Исписанный. До краёв.

Старец медлит. Перо застыло над строкой. Он перечитывает написанное, выверяет каждое слово. Слово — это вес. Каждое должно лечь точно, как камень в стену.

В дверь тихо входят. Женщина. Преклонных лет, но красота не ушла — застыла в ней, как масло в светильнике. Она смотрит на него с той

мягкой укоризной, которая бывает только у тех, кто ждёт.

— Уже поздно, — говорит она. — Пора отдыхать.

Он откладывает перо. Поднимает глаза. В них — усталость и любовь. Такая, которая не меркнет с годами.

— Да, Мария. Пора отдыхать.

Он смотрит на неё, и в этом взгляде — вся жизнь.

— Я люблю тебя, Мария.

Она улыбается. Той улыбкой, которая не меняется десятилетиями.

— И я люблю тебя.

Пауза.

Она произносит его имя. То, которое он носил всю жизнь. Которое передал ему умирающий друг. Которое стало проклятием и спасением. Которое он вписывает сейчас в пергамент, чтобы оно осталось в веках.

— ...Джуда.

Он закрывает глаза.

И слышит крик.

Не крик боли. Крик жизни. Первый крик младенца на рас-
свете, восемьдесят лет назад.

Тот самый. С которого всё началось.

Глава 1. Детство

Тогда время текло иначе. Не так, как сейчас, когда секун-
ды падают одна за другой и их можно пересчитать. Оно бы-
ло тяжёлым, полноводным, как река, которая не знает, где
её устье. Люди просто жили: сеяли, жали, рожали детей, хо-
ронили стариков. В Иудее пахло оливками и козым сыром,
римские денарии уже звенели на рынках, но в сердцах ещё
жила древняя вера в Единого. Иерусалим стоял на холмах,
как стоял тысячелетия. А над Кариотом, маленьким селени-
ем, затерянным среди пыльных дорог, висело то же небо, что
и всегда. Звёзды горели так же ярко, как в день, когда

мир только начался.

И в одну из таких ночей, когда миндаль уже отцвёл, а воздух был полон той прозрачностью, которая бывает перед чем-то очень важным, в доме Симона, управляющего у богатого человека, послышался первый крик.

Повитуха приняла младенца. Ещё тёплого, ещё липкого от первой крови, ещё не знающего, что его имя станет проклятием на тысячелетия. Она повернулась к двери, где стоял отец. Симон не входил, ждал знака.

— Сын, — сказала она.

Тогда он переступил порог. Взял мальчика на руки — маленького, сморщенного, с кулачками, сжатыми

так, будто он уже готов драться за свою жизнь. Заглянул в крошечное лицо и тихо произнёс:

— Быть тебе, сын...

Он не договорил. Слова застряли в горле, будто время на миг остановилось, не решаясь открыть, что ждёт этого мальчика. Может, почувствовал что-то? Может, звезда над Кариотом дрогнула? Или просто усталость и вино, которым он заливал свою усталость, сделали своё дело.

Мать молчала. Она лежала на циновке, смотрела в потолок шатра и гладила сына по голове. Ей было всё равно, кем он станет. Он был её малышом. И этого достаточно.

Мальчик лежал в пелёнках и смотрел в потолок. Ещё не знал, что звёзды уже смотрят на него. Что они уже знают то, чего не скажет ни одна мать: ему суждено стать легендой проклятия и ненависти. Тем, чьё имя будут выплёвывать сквозь зубы тысячелетия.

А пока он просто дышал. И видел первый сон. О чём? Может, о тёплом молоке. Может, о голосе матери. Может, о той самой ночи, которая ждала его через тридцать с лишним лет — в саду, с поцелуем на устах и с кинжалом любви в сердце.

Время текло. Звёзды горели. Иерусалим стоял на своих холмах. А в Кариоте, в доме Симона, рос мальчик. И не знал ещё, что его имя уже вписано в свитки, которые никто не сможет

вычеркнуть.

Он рос в шуме и тесноте. Самым младшим, самым любимым, самым незаметным. В доме вечно толклись люди, по

праздникам во дворе ставили циновки, резали ягнёнка, женщины хлопотали у очага, мужчины спорили о видах на урожай и о римских поборах. Отец брал в руки кифару — большую, тяжёлую, с потемневшим от времени деревом. Пальцы его пробегали по струнам, и шум стихал, и казалось, что даже стены дома дышат в такт.

— А теперь ты!

Иуда помнил этот вечер. Дядя Авраам, красный от вина и веселья, ткнул в него

пальцем, и все обернулись. Он стоял посреди двора, маленький, растерянный, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Мать подтолкнула его в спину, и он сделал шаг. Потом другой. Родственники расселись вокруг, замолчали, и тишина стала такой плотной, что уши заложило.

Он закрыл глаза и запел.

Сам не знал, откуда взялась та мелодия. Она просто пришла — как птица, влетевшая в открытое окно. Голос звенел, срывался от волнения, но он пел о том, что видел: о солнце, о матери, о кифаре, о ягнёнке на холме. Когда закончил, во дворе было тихо. Дядя Авраам поднялся, взял его на руки и сказал громко, чтобы все слышали:

— Этот мальчик будет петь так, что его услышит сам Иерусалим.

Мать улыбалась, но в глазах ее, на одно мгновение, мелькнуло что-то странное. Тревога? Предчувствие? Он не понял тогда. Он прижался к ней, вдыхая знакомый запах трав, которыми она натирала волосы, и думал, что так будет всегда.

Но всегда не бывает.

Он не сразу заметил, что мать стала чаще лежать. Сначала думал — устала. Потом увидел, как она морщится, поднимая кувшин с водой, как надолго застывает, глядя в одну точку. Спрашивал — она отмахивалась, говорила: «Ничего, сынок, иди гуляй».

Он не уходил. Садился в уголке, смотрел на неё, а она уже не прогоняла.

Дни тянулись медленно, как песок в старых часах. Мать лежала на циновке, иногда приподнималась, чтобы выпить воды, и снова падала на подушки. Щёки её ввалились, глаза потускнели, только руки — сухие, горячие — всё ещё тянулись к нему, когда он подходил. Он садился рядом, брал её руку, чувствовал жар, который не могли унять тряпки с хо-

лодной водой, и молчал. Слова были не нужны. Она знала, что он рядом. Он знал, что она уходит.

В то утро его разбудил старший брат. Было ещё темно, петухи не пели, и в доме стояла та особая тишина, которая бывает только перед чем-то

непоправимым.

— Вставай. Иди к тётё. Живо.

Иуда сел на циновке, протер глаза. Хотел спросить, но брат уже вышел. За дверью горел свет, слышались тихие голоса, суета. Он не спросил. Он уже знал.

Тётя ждала его у своего шатра. Взяла за руку, посмотрела долгим, жалостливым взглядом и сказала:

— Мама умерла ночью, малыш.

Он не заплакал. Стоял и смотрел в одну точку, пока тётя гладила его по голове и что-то говорила, говорила, говорила. Слова проходили мимо, не задевая. Весь день в доме была суета.

Приходили женщины, причитали, помогали обмывать те-

ло. Мужчины копали могилу на склоне холма, откуда виден Иерусалим. Хоронили на закате, в тот же день. Он стоял у края могилы, смотрел, как тело матери, завёрнутое в белый саван, опускают в землю. Кто-то читал псалмы, кто-то бросал горсти земли. Марфа стояла рядом, положив руку ему на плечо, но он почти не чувствовал её.

Когда все разошлись, он всё стоял.

— Пойдём, — тихо сказал Александр. — Надо.

Он кивнул, но не двинулся с места. Брат вздохнул, отошёл, оставив его одного.

После похорон он ушёл за дом, туда,

где кончался двор и начиналась пустыня. Лёг на холодную землю, на камни и сухую траву, и долго смотрел в небо. Звёзды горели ярко, равнодушно, как будто ничего не случилось. Как будто мать не умерла. Как будто мир не рухнул.

— Мама, — прошептал он.

И заплакал. Тихо, без крика, просто лёжа на спине и глядя в бесконечность, пока слёзы не кончились. А когда выплакался, долго ещё лежал, чувствуя, как камни впиваются в

спину, как ветер холодит мокрые щёки. Потом сел, обхватил колени руками и посмотрел на небо.

— Боже... если Ты есть... — голос его сорвался, но он договорил: — Помоги

мне. Пожалуйста. Я не знаю, как теперь жить.

Звёзды молчали. Ветер шуршал сухой травой. Где-то вдалеке завыл шакал. Но ему показалось — или это ветер? — что где-то там, в глубине неба, кто-то вздохнул.

Он ещё долго сидел, глядя вверх. Потом встал, отряхнул пыль с одежды и пошёл обратно. В дом, где больше не было мамы. Где его ждала новая жизнь.

Глава 2. Улица

После похорон дом опустел.

Не то чтобы люди ушли — они остались.

Но дом опустел. То тепло, которое собирало всех вместе, ушло вместе с матерью. Отец запил. Не так, как пьют по

праздникам, когда вино льётся рекой и песня не умолкает до утра. Он пил по-чёрному, с утра до ночи, и никто не мог его остановить. Работу он потерял — кто ж станет держать пьяницу? — и целыми днями сидел в углу с кувшином, глядя в стену. На детей он перестал обращать внимание совсем.

Марфа замкнулась. Она делала всё по хозяйству, молча, быстро, ни на кого не глядя. Если Иуда пытался подойти, она отворачивалась или находила срочное дело. Она боялась, что если остановится — упадёт. Александр уехал в Иерусалим искать заработок и пропадал там неделями, возвращаясь

поздно, усталый, молчаливый. Мария ушла в себя, сидела с рукоделием, смотрела в одну точку, и только пальцы её двигались быстро-быстро, будто пытались зашить прореху в мире. Андрей стал ещё злее. Раньше мать его сдерживала, а теперь он совсем распоясался. Мог ударить ни за что, просто потому что Иуда попался под руку.

Иуда перестал попадаться. Он вообще перестал появляться дома, когда там были другие.

Отец собрал их на второй день после похорон. Иуда помнил этот вечер. Симон стоял у входа, мял в руках край плаща, смотрел в пол. Марфа, Александр, Андрей, Мария — все ждали, что он скажет. Он долго молчал, потом

выдавил:

— Я не могу. Один я не справлюсь. С хозяйством, с вами, со всем. Работы нет, денег нет. Выживайте как можете.

Он развернулся и вышел. С тех пор они его почти не видели. Он находил вино где-то на стороне, приходил поздно, засыпал там, где упал. Иногда пропадал по нескольку дней, и никто не знал, жив ли он.

Марфа сжала губы так, что они побелели, и молча пошла к очагу. Печь лепёшки. Хотя бы для тех, кто остался.

Но на всех не хватало.

Марфа старалась делить поровну, но Иуда видел, что себе она кладёт

меньше всех. Видел, как она сглатывает голодную слюну, глядя, как едят младшие. Но молчал. Что он мог сказать?

Андрей злился. Злость его была как огонь в сухой траве: разгоралась от любой искры. На отца, на мир, на свою болезнь, на пустой живот. И злость свою он вымещал на Иуде — младшем, слабом, беззащитном.

— Ты чего жрёшь? — шипел он, когда Иуда тянулся к лепёшке. Глаза его наливались кровью, губы кривились. — Иди, добудь сам. Или жди, пока манна с неба посыплется.

Иуда молчал. Он знал, что манна не посыплется. Никто не упадёт. Хлеб надо брать самому. Или красть.

Андрей отвёл его в сторону, говорил тихо, чтобы никто не слышал:

— Завтра пойдёшь со мной. Сделаешь, что скажу. Иначе сам знаешь.

Иуда знал. Андрей умел делать больно. Не так, чтобы покалечить — так, чтобы запомнил.

На следующий день Андрей привёл его к маленькой лавке на окраине базара. Торговал там старик, сухой, сгорбленный, с узкими глазами и длинными пальцами, похожими на корни старого дерева. На прилавке лежали лепёшки, рыба, сыр. Запах свежего хлеба ударил в нос, и у Иуды

свело живот.

— Видишь, — шепнул Андрей. — Старик подслеповатый, поворачивается медленно. Зайдёшь сбоку, возьмёшь лепёшку и в рукав. Понял?

— Я не могу, — прошептал Иуда.

— Можешь. Жрать-то охота. Или хочешь, чтоб я тебя при всех отлупил?

Андрей толкнул его в спину. Иуда шагнул к лавке. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на весь базар. Старик возился с корзиной, стоя спиной. Иуда протянул руку, схватил лепёшку, сунул под одежду.

— Мальчик.

Голос старика прозвучал тихо, но Иуда подпрыгнул, будто его ударили. Старик смотрел на него в упор. Иуда замер, готовый бежать. Но старик не звал стражу, не кричал. Он просто смотрел.

— Хлеб нужен? — спросил он.

Иуда не ответил.

Старик вздохнул, покачал головой и протянул ему ещё одну лепёшку.

— Возьми. И больше не кради. Попроси — дам. Знаю, что не от хорошей жизни.

Иуда схватил лепёшку и бросился прочь. Он бежал, не разбирая дороги, пока не оказался в пустом переулке. Там упал на землю, забился в угол и разрыдался. Стыд, страх, голод,

благодарность — всё смешалось в один ком, который рвался наружу слезами.

Андрей нашёл его через час. Вырвал лепёшки, залепил за трещину и ушёл, бросив на прощание:

— Не ной. Завтра пойдёшь снова.

Иуда сидел в пыли, смотрел, как уходит брат, и не мог пошевелиться. В шатёр идти не хотелось. Там было голодно, холодно, пусто. Только там не было даже этого переулка, где можно побыть одному.

Он встал, отряхнулся и пошёл обратно на базар. Не за лепёшками. Просто чтобы быть среди людей, а не один. Оди-

ночество было страшнее голода.

Там его и застали трое. Он не заметил их сразу — шёл, опустив голову, и вдруг почувствовал, как его схватили за плечо, рванули, швырнули на землю. Они были старше, крупнее, с наглыми рожами. Один держал палку, двое других скалились.

— Гони, что нашёл, — сказал тот, что с палкой.

— Нет у меня ничего, — прошептал Иуда.

— Врёшь.

Он наклонился, рванул его одежду. Иуда зажмурился, ожидая удара.

— Отстань от него.

Голос прозвучал откуда-то сбоку.

Спокойный, ровный, без страха. Тот, что с палкой, выпрямился, обернулся. Рядом стоял мальчишка. Чуть постарше, коренастый, с тёмными глазами и странной уверенностью в осанке.

— Тебе чего, жить надоело? — осклабился главарь.

— Тебе, может, и надоело, — усмехнулся мальчишка. — А мне ещё рано.

Главарь шагнул вперёд, замахиваясь палкой. Мальчишка ушёл в сторону, коротко ткнул нападавшего в солнечное сплетение. Тот сложился пополам, выронив палку, и осел на землю.

— Ещё кто-то хочет? — поинтересовался

мальчишка.

Оставшиеся двое не захотели. Подхватили своего и растворились в толпе.

Мальчишка повернулся к Иуде, протянул руку.

— Вставай.

Иуда взялся за неё и поднялся. Колено саднило, но он даже не взглянул на него.

— Спасибо, — выдохнул он.

— Ерунда, — отмахнулся тот. — Сам знаешь, как это бывает.

Он оглядел Иуду — худого, в обносках, с затравленным взглядом.

— Ты чей?

— Ничей.

— Так не бывает.

— Бывает, — Иуда опустил глаза.

Мальчишка помолчал. Потом спросил:

— Есть хочешь?

Иуда не ответил, но живот его свело судорогой. Мальчишка вытащил из-за пазухи лепёшку, разломил пополам и протянул половину.

— Держи. Я Джуда. А тебя как?

— Иуда.

— Иуда? — Джуда усмехнулся. — Как меня? Ну, теперь нас двое.

Они отошли к стене, сели в тени. Иуда вцепился зубами в лепёшку — тёплую, мягкую, пахнущую тмином. Он почти забыл вкус свежего хлеба, который не пришлось выпрашивать или красть со страхом.

И тогда он поднял глаза и впервые разглядел своего спасителя.

Лицо у того было круглое, с крупными, чуть выступающими скулами. Нос прямой, но в переносице — будто кто-то надавил пальцем, оставив вдадинку, а на самой переносице — маленький, давно заживший шрам, беловатый на

смуглой коже. Глаза — мелкие, тёмно-карие, почти чёрные, они не стояли на месте, а всё время рыскали: по лицу Иуды, по его одежде, по прохожим за спиной. Джуда замечал всё. Мускулы под его одеждой перекатывались при каждом движении, а двигался он пружинисто, готовый в любой миг сорваться с места. В нём чувствовалась дикая, нерастраченная энергия — даже когда он сидел, казалось, что он вот-вот вскочит. Один передний зуб был отколот наполовину, и это придавало его улыбке что-то хищное. Волевой подборо-

док, короткие тёмные волосы, которые он то и дело взъерошивал. Рядом с ним Иуда чувствовал, как напрягается сам: этот человек был как сгусток силы, которую трудно было выдержать.

Но когда Джуда смотрел на него, когда их взгляды встречались, что-то менялось. Джуда замирал. Его глаза переставали рыскать, лицо становилось серьёзным, и он говорил с ним... с уважением. Иуда не понимал, чем заслужил это, но чувствовал: здесь, рядом с этим человеком, он в безопасности.

— Ты здешний? — спросил Джуда, жуя свою половину.

— Из Кариота.

— Далеко. А чего один?

Иуда прожевал, проглотил. Ответ застрял в горле, но Джуда ждал. Почему-то этому странному мальчишке хотелось ответить.

— Мама умерла, — сказал он тихо. — Два года назад. Отец... сначала держался, а потом запил. Работу потерял. Сказал: выживайте как можете. Брат заставляет красть. А я...

Голос сорвался. Джуда смотрел без жалости. Не отворачивался, не вздыхал, не говорил дежурных слов. Просто смотрел — и кивнул, будто услышал то, что ожидал.

— Понятно, — сказал он. — Моя тоже умерла. Давно. Отец... ну, отец как отец. Пьёт, бьёт, когда пьяный. Я с ним не живу.

— А где живёшь?

— Где придётся. На улице. С ребятами.

Есть компания, нас шестеро. Держимся вместе.

Он посмотрел на Иуду внимательно, будто оценивая.

— Расскажешь, что с тобой было? Всё, до конца?

Иуда заговорил. Сначала неуверенно, сбивчиво, потом всё смелее. Про маму, которая пела. Про запах её волос. Про то, как она угасала полгода, а он сидел рядом и держал за руку. Про утро, когда его разбудили. Про похороны. Про звёзды. Про отца, который сначала держался, а потом сдался. Про Андрея. Про старика в лавке. И про то, как он потом плакал в переулке.

Говорил долго, сбивчиво, иногда

замолкая. Джуда слушал. Не перебивал, не утешал. Только иногда кивал.

Когда Иуда замолчал, Джуда положил руку ему на плечо.

— Теперь ты сам за себя, — сказал он. — Но если что — я рядом. И ребята тоже. Пойдём, познакомлю.

Они поднялись и пошли через базар, потом задами, потом пустырьём к холмам за городом. В ложбине горел небольшой костёр, вокруг сидели четверо. При их появлении все обернулись.

— Это Иуда, — коротко сказал Джуда. — Будет с нами.

Остальные смотрели на новенького с любопытством, без враждебности. Кто-то кивнул, кто-то подвинулся, освобождая место у костра. Ган, Прокл, Мор, Сим — имена посыпались одно за другим.

Позже, когда стемнело окончательно, кто-то из ребят спросил:

— Откуда ты?

Иуда посмотрел на Джуду. Тот чуть заметно кивнул.

— Из Кариота, — ответил Иуда. — Мама умерла. Отец запил. Брат заставляет красть.

— А ты сам? — спросил Ган.

— Я... не знаю, — честно ответил Иуда. — Я хочу... я просто хочу есть. И чтобы не били.

Костер потрескивал. Тени плясали на лицах. Иуда сидел и смотрел на огонь. Впервые за долгое время ему не было холодно.

Глава 3. Взросление

Время шло. Они уже не были теми голодными мальчишками, что жались у костра. Джуда стал шире в плечах, его движения — быстрее, увереннее. Иуда вытянулся, но оставался таким же тихим, наблюдательным. В городе их знали, но не боялись — пока. Они были частью того мира, где каждый знал

своё место, и своё место они пока не нашли.

Они промышляли на базаре. Джуда любил это место. Здесь было шумно, тесно, и в этой тесноте можно было сделать всё, что угодно, если знаешь, как. Они знали. Иуда стоял у лотка с рыбой, делал вид, что торгуется, а сам следил за двумя парнями, которые слишком часто оглядывались. Те не знали, что за ними следят. Они думали, что здесь все чужие.

Джуда ждал. Он всегда ждал, когда они возьмут чужое. Не из жалости, не из справедливости — из расчёта. Если поймать вора на краже, он будет твоим. Если не захочет быть твоим, его не станет. Правила простые. Парни взяли кошель у толстого торговца, уже хотели

уйти, но Джуда перекрыл им путь. Они были старше, но это не имело значения. Он был быстрее.

— Это наша земля, — сказал он спокойно. — Положи, что взял, и уходи.

Один из них усмехнулся, попытался оттолкнуть Джуду, но тот уже схватил его за горло, прижал к стене, и лицо у него было такое, что усмешка сразу пропала. Иуда стоял рядом, смотрел. Он не вмешивался. Это был не его разговор. Парни

ушли, оставив кошель. Джуда вернул его торговцу, тот что-то залопотал, но Джуда уже не слушал. Он подошёл к Иуде, улыбнулся, хлопнул по плечу.

— Видал? Как они побежали.

Иуда кивнул. Он видел.

Вечером у костра Джуда был в хорошем настроении. Он вспоминал, как эти двое испугались, как один из них чуть не заплакал, как второй бросил кошель и побежал. Он смеялся, подбрасывал в огонь сухие ветки, а Ган и Прокл подхватывали, смеялись вместе с ним. Иуда сидел в стороне, смотрел на огонь и молчал.

— Ты чего такой серьёзный? — спросил Джуда, заметив его молчание.

Иуда поднял глаза. Ему не хотелось говорить, но вопрос был задан, и он не умел врать.

— Я думаю, — сказал он. — Их можно было не выгонять.

Джуда перестал смеяться. Остальные тоже замолчали.

— Как это — не выгонять? — спросил Ган.

— Они же чужие, — добавил Прокл.

Иуда посмотрел на них, потом перевёл взгляд на Джуду.

— Они бы работали на нас. Мы бы брали долю. Каждый день, а не раз в неделю.

Джуда смотрел на него долго. В темноте глаза его блестели, но лицо было серьёзным.

— Объясни, — сказал он.

Иуда говорил негромко, но так, что его слышали все. О том, что если выгонять всех, кто появляется на их земле, то придётся драться каждый день. А если дать им работать и брать свою долю, то драться не придётся. И земли станет больше. И денег тоже. Ган и Прокл слушали, не перебивая. Джуда молчал. Потом встал, отошёл к краю круга света, что падал от костра, и долго стоял, глядя в темноту.

— Это не наше, — сказал он наконец. — Наше — это когда мы берём сами. А если берём с чужих, то мы уже не воры. Мы кто?

Иуда не ответил. Он знал, что Джуда не

согласится. Не сейчас. Но он сказал то, что думал. Этого было достаточно.

Через несколько дней Джуда сказал, что они идут к Жарину. Иуда не спросил зачем. Он знал, что Джуда советовался с ним. И знал, что Жарин захочет увидеть того, кто придумал такой план.

Жарин встретил их в доме, где пахло пряностями и старым вином. Он оглядел Джуду, потом перевёл взгляд на Иуду. Смотрел долго, будто видел впервые.

— Так это ты, — сказал он. — Тот, кто не хочет драться.

— Я хочу, чтобы драться приходилось

реже, — ответил Иуда.

Жарин усмехнулся, откинулся на циновку. Потом подался вперёд, положил руки на стол.

— Есть дело. Караван идёт. С золотом. Я знаю, когда, знаю, где останутся. Моя доля — треть. Остальное — вам. Вы готовы?

Джуда кивнул. Иуда молчал. Он чувствовал, как внутри всё сжимается. Воровать фрукты с лотка — одно. Здесь — другое. За золото убивают.

— От тебя, — Джуда повернулся к нему, — много не требуется. Будешь прикрывать. Смотреть, не идёт ли кто. Если что — свистнешь.

Иуда хотел сказать: «Я боюсь». Хотел сказать: «Давай не надо». Но посмотрел на Джуду и вспомнил, сколько раз тот кормил его, сколько раз учил, сколько раз просто был рядом. Он не мог отказать.

— Хорошо, — сказал он.

Голос дрожал. Джуда сделал вид, что не заметил.

Они ждали в пустыне три дня. Солнце жгло, ветер гнал песок, а по ночам становилось холодно, и они жались друг к другу, чтобы согреться. Иуда не спрашивал, уверен ли Джу-

да, что караван придёт. Он просто верил. Как верил всегда, когда Джуда говорил.

На третий день, перед закатом, на горизонте показалась чёрная точка. Потом — ещё одна. Потом вереница верблюдов, людей, тюков. Караван двигался медленно, устало, и остановился под высоким барханом.

Они лежали на вершине бархана, вжавшись в песок. Внизу разбили лагерь, развели костёр. Пахло едой, слышались голоса. Караванщики ужинали, вино лилось рекой — они праздновали удачный переход.

Шатёр старшего погонщика стоял с краю, ближе к склону. Рядом с ним — тюки. Джуда смотрел туда не отрываясь.

— Там золото, — шепнул он.

Иуда кивнул. У него пересохло в горле.

Один за другим караванщики засыпали. Костер догорал. Луна поднялась над пустыней, заливая всё холодным светом.

— Пора, — сказал Джуда.

Он скользнул вниз по склону бесшумно, как ящерица.

Иуда остался наверху, вглядываясь в лагерь. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно внизу. Он считал удары. Один... два... три... четыре...

Джуда подкопал под шатром — снизу, со стороны бархана, где песок мягче. Протиснулся внутрь. Иуда видел, как его ноги скрылись в темноте. Потом —

тишина. Потом — голова Джуды показалась из-под шатра. Он улыбался. Широко, радостно, как ребёнок, который нашёл клад.

А потом чья-то рука схватила его и рванула назад.

Крик. Крик погонщика: «Вор! Держи вора!» И другой голос — Джуда, который никогда не боялся, который мог драться с десятью, — этот голос кричал:

— Нет! Пожалуйста! Не надо!

Иуда не думал. Он полез вниз, в ту же нору, под шатёр. Просунул голову и увидел.

Старый араб с перекошенным от злобы

лицом стоял над Джудой. Джуда лежал на песке, смотрел

на него снизу вверх. Араб держал короткий кинжал. Иуда хотел закричать, но слово застряло в горле.

Араб ударил. Кинжал вошёл в грудь, и Джуда вздрогнул, но не закричал. Только выдохнул — судорожно, коротко. Араб выпрямился, отступил на шаг, но Джуда ещё держался. Глаза его нашли глаза Иуды. В них не было боли. Не было страха. Только то, что Иуда уже видел однажды в отблеске костра, в тишине пустыни, но не успел тогда понять. А теперь — понял.

Джуда смотрел на него, и в этом взгляде было всё. Все ночи, когда он прикрывал его спину. Все кражи, когда он учил не бояться. Все мгновения,

когда он был ему братом, отцом, богом. И ещё — то, что он никогда не говорил вслух. Он видел в Иуде то, чего не было в нём самом. Не силу удара, не ловкость, не дерзость. Другое. Что-то, что могло стать больше, чем он сам. Что-то, что могло перерасти его славу, его имя, его смерть.

Губы Джуды дрогнули. На них появилась улыбка — лёгкая, едва заметная, но Иуда её увидел. Это не было прощанием. Это было благословением. Он шевельнул губами, и голос, уже почти не голос, выдохнул слова, которые Иуда прочитал, даже не услышав:

— Беги, Джуда.

Он назвал его своим именем. В

последний раз. Или в первый. Передал ему не только имя, но и всё, что с ним связано: свою силу, свою удачу, своё место в мире, где правят страх и деньги. В ту секунду что-то оборвалось и что-то началось. Иуда не успел осознать. Тело Джуды обмякло, глаза застыли, и свет в них погас.

Иуда закричал. Крик вырвался из горла, нечеловеческий, рвущий тишину пустыни. Араб обернулся, увидел голову, торчащую из-под шатра, и заорал:

— Там ещё один! Ловите его!

Иуда выдернул голову, вскарабкался по склону, цепляясь за песок руками и ногами, и побежал. Бежал, не разбирая дороги. Песок забивался в рот, в глаза,

в лёгкие. В ушах стучала кровь. А перед глазами — улыбка Джуды. И его последнее слово.

Беги, Джуда.

Он бежал, пока не упал. А потом встал и побежал снова. Он не знал, куда. Он знал только одно: он теперь — Джуда. И он должен бежать. Дальше. Живым. Туда, куда его послали.

Он бежал, пока не упал. А потом встал и побежал снова, но ноги уже не слушались, они сами остановились где-то на окраине города, в переулке, где пахло мочой и гнилыми овощами. Он прислонился к стене, сполз по ней, сел на землю, обхватил колени руками и

установился в одну точку. Перед глазами всё ещё стоял шатёр, песок, кинжал, улыбка. И последнее слово, которое он прочитал по губам.

«Беги, Джуда».

Он прошептал это имя, своё новое имя, и оно обожгло горло.

Джуда. Тот, кто учил его не бояться. Тот, кто был сильнее, быстрее, умнее. Тот, кто никогда не проигрывал. А теперь его нет. И он, Иуда, тот, кого Джуда когда-то вытащил из пыли, — он жив. А Джуда — нет.

Мысли метались, как звери в клетке. Он должен был помочь. Мог вытащить его. Мог крикнуть раньше. Мог не брать его с собой. Мог... мог... мог... Каждое

«мог» било по голове, как камень. А в ушах стоял крик погонщика, крик Джуды — «Нет! Пожалуйста! Не надо!». Он слышал этот крик и в тишине. И не мог его заглушить.

Что скажет Жарин? Что скажут друзья? Ган, Прокл, Мор, Сим. Они смотрели на Джуду как на бога. А он, Иуда, был при нём тенью. Теперь тень вернулась, а бога нет. Они спросят: «Почему ты жив? Почему не помог? Почему не умер вместе с ним?». Они не скажут этого вслух, но будут думать. Или скажут. И будут правы.

Он закрыл глаза. В темноте снова возникло лицо Джуды — круглое, с острыми скулами, с мелкими, вечно рыскающими глазами, которые сейчас смотрели прямо на него, спокойно, без

упрёка. И улыбка — лёгкая, едва заметная, та самая, которая была перед смертью. И голос, не голос даже, а эхо: «Беги, Джуда».

Он открыл глаза. В переулке было тихо. Где-то далеко кричал петух, но здесь, в этой щели между стенами, время

остановилось. И вдруг он понял. Джуда знал. Знал, что идёт на смерть. Знал, что не вернётся. И всё равно взял его с собой. Не чтобы он помог — чтобы он был рядом в последний миг. Чтобы передать ему всё, что у него было. Имя. Судьбу. Силу, которой у Иуды не было, но которая, может быть, проснётся теперь, когда она стала его.

Он поднялся. Ноги дрожали, но он заставил их идти. Он шёл по пустым улицам, не зная, куда, но зная, что

нужно дойти до дома Жарина. Рассказать всё. Как было. Не пряча глаз, не оправдываясь. Джуда доверил ему своё имя. Он не имеет права быть трусом.

Жарин открыл дверь не сразу. Стоял на пороге, смотрел на него, на его разодранную одежду, на лицо, в которое въелся песок, на руки, дрожащие как у старика. И не удивился. Будто ждал. Будто знал, что рано или поздно этот парень придёт к нему один.

— Где Джуда? — спросил он, но в голосе его не было вопроса.

Иуда смотрел на него, не отводя глаз. И сказал:

— Его убили. Я пришёл рассказать, как это было.

Жарин кивнул, отступил, пропуская его внутрь. Иуда перешагнул порог. Он ещё не знал, что скажет, но знал, что будет говорить правду. Джуда заслужил, чтобы правду сказали. А он, Иуда, теперь Джуда, заслужил право её сказать.

Они сели друг напротив друга. Жарин ждал. Иуда смотрел на свои руки, на шрамы, на рубцы, на грязь, въевшуюся в кожу. Потом поднял глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.